

Абжелиева Д.

УДК 81'1

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ РУССКИХ ОРНИТОНИМОВ

Аннотация. В статье предпринята попытка семантического описания русских орнитонимов с целью определения набора основных признаков в их толковании для лексикографической репрезентации. Ядро семантического описания орнитонимов представляют признаки внешнего вида и колоративной характеристики птицы; локативная, пространственно-временная характеристики, находятся в зоне периферии. Набор семантических признаков в толковании является непостоянным.

Ключевые слова: семантический признак, орнитоним.

Анотація. У статті зроблена спроба семантичного опису російських орнітонімів з метою визначення набору головних ознак у їх тлумаченні для лексикографічної репрезентації. Ядро семантичного опису орнітонімів представляють ознаки зовнішнього вигляду і колоративної властивості птаці; локативна, просторово-часова властивості перебувають у зоні периферії. Набір семантичних ознак у тлумаченні є непостійним.

Ключові слова: семантична ознака, орнітонім.

Summary. Nuclear semantic features are the appearance and the color characteristic of birds - ie it is structurally relevant characteristics. Communicatively relevant characteristics such as the locative, the space and time characteristics, some verbal features remain at the periphery.

A set of semantic features is unstable. The most striking of them stand out, but in some cases, this results in addressing to the extra-linguistic information, which is problematic for some people who do not know the rules of the language and do not actively using the language in various fields.

While representing the ornytonim, the author of the dictionary article uses a variety of practical techniques, thus it lists the individual ornytonim's values. This is either the value in a strictly historical manner on the basis of existing cases, or the values in the order of their frequency of occurrence, to extent that this parameter is available to monitor and, finally, some other list them mostly in order, corresponding to the frequency of their occurrence, but sometimes deviate from it when it is necessary to group together closely interrelated ornytonim's values.

The article attempts to describe the semantic of Russian to identify a set of key features in their interpretation. The core of their semantic description signs is the appearance and characteristics of birds' colors; locative, spatial and temporal characteristics are within the periphery. A set of semantic features in the interpretation is inconsistent.

Key words: semantic feature, ornytonim.

Проблема толкования словарной статьи является по сути своей индивидуально авторской. Никакое значение не свойственно изначально, никакое не остается навсегда и неизменно. Репрезентируя слово и формулируя дефиницию лексикограф, прежде всего, должен ознакомиться со всеми возможными вариациями употребления слова.

Метаязык словарных определений учитывает практически все аспекты лексических значений (денотативный и сигнификативный, прагматический, парадигматический и синтагматический, стилистический, словообразовательный, грамматический, фразеологический и т. д.) [2, с. 7-13]. Но эти аспекты в разных словарных статьях представлены неравномерно, поэтому возникает проблема лексикографического описания нелимитируемого значения [1, с. 17], содержащего неисчислимо количество признаков [3, с. 2-5]. Так, вопросам включения различных типов информации в состав словарных толкований посвящены исследования М. Н. Правдина, В. Г. Гака, Л. П. Крысина; метаязык толкований исследуется в работах Н. З. Котеловой, А. И. Киселевского, И. С. Куликовой, Д. В. Салиной, А. Вежбицкой; типология дефиниций рассматривается в трудах Д. И. Арабатского, П. Н. Денисова, А. В. Иванова; классификация семантических признаков дефиниций проводится Д. Н. Шмелевым, Ю. Д. Апресяном, Ю. Н. Карауловым, И. А. Стерниным, Л. А. Грузберг.

В последние годы было написано немало работ в сфере дефинирования орнитонимов и их лингвокультурологической интерпретации, а также защищено несколько диссертаций (М. В. Кутьева, М. Ю. Россихина, Н. Ю. Костина, А. Г. Соколова). Интересными являются работы Н. Д. Голева в сфере определения общих особенностей принципов номинации в диалектной лексике флоры и фауны и Л. В. Амелиной, которая сделала попытку дать сравнительно-сопоставительную характеристику лексических значений орнитонимов в русском и немецком языке.

Цель нашего исследования – определить принципы отбора признаков для последующего дефинирования в словарной статье.

Для актуализации признаков орнитонимов мы предприняли попытку разложения всего материала по тематическим группам для выявления дифференцирующих признаков слов класса «Птицы». При этом анализируемые дефиниции рассматриваются в двух аспектах: семантическом и метаязыковом.

Анализ дефиниций орнитонимов позволяет нам говорить о том, что наиболее распространенным дескриптором при толковании является размер самой птицы, который передается такими дифференциальными признаками, как *большая*, *крупная*, *небольшая*, *маленькая* и их различными вариантами. К примеру, дифференциальный признак, обозначающим размер «*небольшая*» используется в толковании названий следующих птиц: *горлица*, *варакушка*, *зук*, *кобчик*, и т.д.; «*маленькая*» – *соловей*, *пеночка*, *воробей*; «*крупная*» – *фрегат*, *фазан*, *гагара* и т.д.; «*большая*» – *страус*, *пингвин*, *альбатрос*, *баклан*.

Описание размера птиц в некоторых случаях отсутствует, однако чаще этот дескриптор носит выборочный характер. Ср.: *цапля* «птица (обычно крупная) отряда голенастых, с длинной тонкой шеей...»; *крапивник* «очень мелкая подвижная птичка отряда воробьиных...»; *гагарка* «северная морская птица сем. чистиковых, величиной с небольшую утку».

Формы строения птиц фиксируются как обычная и необычная, в значении похожести на известный предмет:

ГЛУПЫШ², -á, м. Северная морская водоплавающая птица, внешним видом напоминающая чайку.

ГАГАРКА, и, род. Мн. –рок, дат. ркам, ж. Северная морская птица сем. чистиковых, величиной с небольшую утку.

Наиболее интересным и заслуживающим отдельного рассмотрения является описание внешнего вида орнитонимов. Их толкование описывается в основном в двух направлениях: особенности строения птицы и ее оперения. Приведем примеры интенсивности использования полного набора дескрипторов, характеризующих внешний вид птицы.

При толковании орнитонимов *клюв* представляется такими дескрипторами, как плоский (*утка*), длинный (*аист, бекас, дятел, пеликан*), прямой (*аист, альбатрос, песочник*), конический (*коноплянка*), острый (*дятел*), загнутый (*ибис, клест коршун, кроншнеп, орел*), дугообразный (*песочник*) и т.д. Крылья – длинные (*стриж, сокол, коршун, буревестник, альбатрос*), острые (*стриж, сокол, перепел*), большие (*скворец*), короткие (*оляпка*), узкие (*буревестник, альбатрос*) и т.д. Хвост – длинный (*коноплянка, баклан*), жесткий (*баклан*), вздернутый (*крапивник*), большой распускающийся (*навлин*), короткий (*перепел, скворец*). При описании *хохолка* как части тела птицы в большинстве случаев указывается лишь его наличие (*какаду, свиристель*). В редких случаях – размер: длинный (*чибис*), форма – узкий (*чибис*), веерообразный (*удод*). В качестве дескрипторов, используемых при описании *ног*, выступают прилагательные 'длинный' (*цапля, фламинго, кулик, ибис, журавль, аист*), 'короткий' (*утка*), 'сильный' (*дрофа*); в отдельных случаях указывается наличие перепонки (*гусь, утка*). Шея – короткая (*утка*), тонкая (*цапля*), длинная (*гусь, журавль, лебедь, фламинго*).

Сравнение некоторых характеристик размеров орнитонимов позволяет нам говорить о том, что в основном, при толковании дефиниций авторы не останавливаются на определенном наборе признаков, описывающих размер. Как правило, этот набор определяется самими авторами, что есть не совсем корректным для понимания, при этом при толковании некоторых орнитонимов, вообще отсутствует какая-либо информация о внешнем виде. Здесь возникает вопрос об адекватности лексикографического описания языковой единицы.

ЦЕСАРКА, -и, род. мн. –р о к, дат. –р к а м, ж. Птица отряда куриных

СВИЯЗЬ, -и, ж. Птица сем. утиных.

ЮРОК, ю р к á', м. Северная таежная птица; вьюрок.

Не менее важным признаком, характеризующим слово-орнитоним, является цвет оперения. В основном в названиях птиц оказываются наиболее частотными белый, черный, красный и серый цвета, что связано с реальной окраской птиц. Фиксируется не только окраска всей особи, также фиксируются ее отдельные части головы, крыльев, ног (*шахин – рыжеголовый сокол, сорока-белобока, белоглазка с характерным ободком из белых перышек вокруг глаза, бекас с пестрой спинкой и белым брюшком и грудью, горихвостка с рыже-красным хвостом и т.д.*).

Многочисленное употребление прилагательных обладающих широким спектром цветовой гаммы, а также прилагательных оттеночного характера говорит о том, что дифференцирующий признак окраски оперения птиц, скорее всего, является ситуативно-обусловленным, а представление об окраске птицы размытым.

В описании внешнего вида птицы часто используются неточно определённые цветовые тона и оттенки. К примеру, *бурый* оттенок встречается у *сыча, славки, неясны, кедровки* и т.д.; оттенок *серовато-бурый* у *соловья, пищухи, луни, крапивника; зеленовато-бурый* у *пеночки*.

Употребление колоративов, носящих коннотативный и оценочный характер, таких как *яркий* (*фазан, попугай, варакушка*) и *пестрый* (*удод, сойка, свиристель, попугай, щегол, щёголь*) также широко распространено при дефинировании орнитонимов.

Заметим, что при дефинировании отдельных птиц, выделяя отличительные характеристики цвета оперения, авторы подчеркивают половую принадлежность. Многие самцы птиц имеют яркое оперение.

КАНАРЁЙКА, -и, род. мн. –р éек, дат. –р éйка, ж. Певчая птица сем. вьюрковых, с ярко-желтым оперением, распространена в качестве комнатной птицы.

КОСАЧ, -á, м. Тетерев-самец, имеющий, в отличие от самки, черное оперение и удлиненные перья в хвосте. Глухарь самец имеет на хвосте черные косицы ---, почему и называется косачом.

При определении локативного признака орнитонимов, птицы рассматриваются, прежде всего, как земные и водные. Промежуточным видом являются болотные (*бекас, дупель, выть, кулик, чибис, турухтан*) птицы. К земным птицам относятся: 1) лесные (*вьюрок, дятел, дрозд, зяблик, иволга, кедровка, клест, кукушка, пересмешник, попугай, чиж, свиристель, снегирь и т.д.*), 2) морские (*буревестник, кайра, пингвин, чистик, фрегат и т. д.*), 3) степная (*перепел*), 4) полевая (*степняк, дрофа*), 5) зона лесотундры (*казарка, плавунчик*). Отдельно идут водоплавающие птицы, так как они могут относиться как к морским, так и болотным (*лебедь, лысуха, нырок, крохаль, чайка, пеликан, поганка, крачка, утка и т.д.*).

Составной частью локативного признака, который широко используется при дефинировании орнитонимов является набор пространственно-временных характеристик, по которым птицы относятся к перелетным (*перепел, сойка, лебедь и т.д.*); по территории распространения местообитания, которое может быть как конкретным, так и неопределённым (*южноазиатский навлин, австралийский эму, антарктический пингвин и т.д.*).

Существует также и набор признаков, носящих индивидуальный характер, которые служат дополнительной репрезентацией денотативного содержания большинства орнитонимов.

По способности к вокализации, в которой выделяют пение и голосовые сигналы, птицы могут быть певчие (*дрозд, зяблик, пересмешник, иволга, чиж, соловей, снегирь, скворец, щегол, славка и т.д.*). Отдельно выделяется способность подражанию другим голосам (*попугай, пересмешник, скворец*).

Описание образа жизни встречается крайне редко, так отдельно выделяются ночные птицы (*сова, выть, сыч, козодой, филин*).

Рацион птиц достаточно широко описывается при дефинировании орнитонимов, но не является носителем ядерного значения определяемого слова. Информация представляется как один из видовых признаков родового понятия.

ОРЛАН, -а, м. Крупная хищная птица сем. ястребиных, живущая около водных пространств и питающаяся преимущественно рыбой.

ОВСЯНКА², -и, род. мн. -нок, дат. -нкам, ж. Небольшая птица отряда воробьиных, питающаяся преимущественно семенами растений.

Иногда авторами выделяется в качестве дифференцирующего семантического признака какая-либо физическая функция орнитонима. К примеру, *плавунчик – хорошо плавающий, страус – быстро бегающий, стриж – быстро летающий, попугай – способный подражать человеческой речи. и т.д.*

Научная классификация представлена в основном на уровне отряда, семейства, рода и вида. К примеру, **отряд воробьиных** (*дрозд, иволга, мухоловка и т.д.*); **семейство ястребиных** (*стервятник, беркут, канюк, коршун, лунь, орел и т.д.*); **род попугаев** (*какаду, жако*), **род страусов** (*нанду, эму*); **вид** (*южноамериканский страус*) и т.д.

Вариативность толкования слова, прежде всего, является следствием метаязыковой рефлексии говорящего. Реципиент воспринимает информацию толковой статьи в единстве формы и содержания, восприятия и интерпретации языкового знака. Принято считать, что метаязыковая рефлексия возникает в сознании в образе некоторых «наивных» представлений, о том, как должны называться предметы. При этом аксиомой метаязыкового восприятия является тот факт, что говорящий выявляя значение слова, а точнее осмысляя собственную речевую деятельность, автоматически устанавливает логические связи между лексическими единицами и суждениями.

Продукт мыслительной деятельности должен быть закреплён в коллективном языковом сознании. Приведем пример:

ЦЕСАРКА, -и, род. мн. -р о к, дат. -р к а м, ж. Птица отряда куриных.

В данном случае, прототипическое значение слова в наличии (т.е. признаки, связанные с представлением о стандартном образце объекта), но признаки «наивного» понятия, дифференцирующие, отсутствуют. Носитель языка, на котором идет толкование, может отличить цесарку от обыкновенной курицы, но для остальных субъектов, такое определение «цесарки» будет не достаточным.

Дефинитивно-описательный анализ орнитонимов позволяет нам говорить о том, что проблема адекватного выбора дифференцирующих признаков, проблемы разграничения лексического значения и смысла слова, соотношения принципов филологического определения и энциклопедического описания, показа системных связей языковой единицы так и остаются проблемами составителя. Мы предприняли попытку определения основного объема семантических признаков, которые используются в лексикографическом описании орнитонимов.

Ядерными семантическими признаками остаются внешний вид и колоративная характеристика птицы – т.е. ее структурно релевантные признаки. Коммуникативно релевантные признаки такие, как локативная, пространственно-временные характеристики, некоторые вербальные остаются в зоне периферии.

Набор семантических признаков является непостоянным. Выделяется наиболее яркий из них, но в некоторых случаях, это приводит к обращению к экстралингвистической информации, что является проблематичным для некоторых людей, не владеющих нормами языка и активно не использующих данный язык в различной сфере деятельности.

Репрезентируя орнитоним, автор словарной статьи использует различные практические приемы, тем самым перечисляет отдельные значения орнитонимов. Это либо значения в строго историческом порядке, на основании существующих примеров, либо значения в порядке частоты их встречаемости, в той мере, в которой этот параметр доступен наблюдению; и, наконец, некоторые другие перечисляют их в основном по порядку, соответствующему частоте их встречаемости, но иногда отступают от него, когда надо сгруппировать вместе тесно взаимосвязанные значения орнитонимов.

Источники и литература:

1. Костина Н. Т. Названия птиц как специфическая группа слов :На материале русского и английского языков): автореф. дис. на соиск. науч. степени: к.фил.н: спец. 10.02.19 «Теория языка» / Н. Т Костина – Пенза,2004. – 20 с.
2. Кутьева М. В. Национально-культурная специфика переносных значений орнитонимов в русском и испанском языках : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.20 / М. В. Кутьева; [Место защиты: Рос. ун-т дружбы народов].- Москва, 2009.- 399 с.: ил. РГБ ОД, 61 09-10/415
3. Левицкий В. В. Семасиология / В. В. Левицкий. – Винница : Нова Книга, 2006. – 512с.
4. Голев Н. Д. О некоторых общих особенностях принципов номинации в диалектной лексике флоры и фауны / Голев Н. Д. [Электронный ресурс]. - Режим доступа : <http://archive.is/AP4C>

Ганиева Э.С.

УДК 811.512. 145

КРЫМСКОТАТАРСКИЕ ГРАММАТИКИ 20 – 40 ГГ. XX ВЕКА КАК ИСТОЧНИК ФОРМИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Аннотация. В статье дается описание становления крымскотатарской лингвистической терминологии довоенного периода, а также указан круг источников, которые могут быть полезны в процессе формирования современной крымскотатарской языковедческой терминологии. Охарактеризовать современное состояние и выявить перспективы развития лингвистической терминологии крымскотатарского языка невозможно без оценки вклада, который внесли языковеды прошлого в развитие данной проблемы, и значения их концепции для науки в целом. Этим объясняется необходимость исторического экскурса – определения и изучения истоков лингвистической терминологии, основных этапов развития терминосистемы, характера языковой политики в 20-40 гг. XX века.

Ключевые слова: термин, терминосистема, лингвистический термин, лингвистическая терминология, заимствование.

Анотація. Охарактеризувати сучасний стан і виявити перспективи розвитку лінгвістичної термінології кримськотатарської мови неможливо без оцінки вкладу, який внесли мовознавці минулого в розвиток даної проблеми, і значення їх концепції для науки в цілому. Цим визначається необхідність історичного екскурсу – визначення і вивчення лінгвістичної термінології в підручниках кримськотатарської мови, виданих в 20-40-і роки XX століття, характеру мовної політики в зазначений період.

У статті дається опис становлення кримськотатарської лінгвістичної термінології довоєнного періоду, а також вказаний круг джерел, які можуть бути корисні в процесі формування сучасної кримськотатарської мовознавчої термінології.

Ключові слова: термін, терміносистема, лінгвістичний термін, лінгвістична термінологія, запозичення.

Summary. It is impossible to characterize the current state and identify prospects of development of the linguistic terminology of the Crimean Tatar language without evaluation of the contribution made by linguists of the past to the development of the problem and the importance of their concept for science in general. This determines the need for historical perspective i.e. the necessity of identifying and studying linguistic terminology in the Crimean Tatar language textbooks published in the 1920 – 1940s and the specific character of the language policy in that period.

The article describes the formation of the Crimean Tatar linguistic terminology of the pre-war period, and includes a range of sources that may be useful for the formation of modern Crimean Tatar linguistic terminology. The value of linguistic debate of 1920 – 1930s for the Crimean Tatar terminology formation is considered. The broad discussion on scientific terminology in this period made the work on the creation of the Crimean Tatar scientific terminology (including linguistic terminology) more systematic. It was the time when a large number of textbooks and teaching guides were written in Crimean Tatar, and the foundations for the modern linguistic term system were laid.

An important role in the development of the Crimean Tatar linguistic terminology system was played by the research activity of the Crimean Tatar leaders, such as I. Gasprinsky, Sh. Bektore, B. Choban-zade, E.A. Kurtmollayev, A. Islyamov, U. Kurkchy, etc. Their scientific heritage is a valuable source on the history of the Crimean Tatar linguistics and provides a wealth of material to address the urgent problems of the modern Crimean Tatar scientific terminology.

Key words: term, system of terms, linguistic term, linguistic terminology, loan word.

В сложном кругу задач, связанных с научной разработкой крымскотатарского языка, наиболее актуальными являются вопросы изучения, оптимизации и систематизации лингвистической терминологии. Без качественной, научно обоснованной терминологии невозможно написание монографий, учебников и методических пособий [13].

В настоящее время в развитии научной терминологии крымскотатарского языка просматриваются две основные тенденции: первая – создание терминов для ранее неисследованных разделов и для новых, современных направлений лингвистики, вторая – унификация и систематизация уже существующих терминов. Обе тенденции предполагают изучение динамических процессов в крымскотатарской научной терминологии, создание терминологических словарей и др.

Целью данной статьи является описание крымскотатарских грамматик 20 – 40-х годов прошлого столетия, как ключевой составляющей одного из периодов в развитии крымскотатарской лингвистической терминологии, а также определение значения терминологических дискуссий 20 – 40 гг. для развития крымскотатарской научной терминологии.

На протяжении нескольких веков (до начала XX века) в тюркских, в том числе и крымскотатарских, грамматических трудах в основном использовались термины, заимствованные из трудов арабских языковедов, и / или типологически близкие методы изложения и трактовки языкового материала. Следовательно, и лингвистические термины, употреблявшиеся в трудах того периода, являлись арабскими заимствованиями, и разработанными на их основе османскими (турецкими) терминами. Научное наследие этого довольно большого периода в развитии тюркологической лингвистической мысли практически не изучено.

В 20-е – 30-е годы XX в. происходит кардинальная переориентация в национальной культуре в целом, в том числе и в литературном языке, в сторону европейских традиций. Ведутся острые дискуссии по

вопросам коммуникативной пригодности и престижности крымскотатарского языка, о реформировании литературного языка, замене арабской графики.

Перед крымскотатарской интеллигенцией остро стояли проблемы, требовавшие незамедлительного решения. Одной из них было реформирование научной, в том числе и лингвистической, терминологии. Языковедческие труды этого периода по-прежнему издавались на арабской графике, но в них явно намечалось отстранение от старых лингвистических традиций. Подтверждением этой тенденции служит издание в 1923 г. известным просветителем и писателем, преподавателем крымскотатарского языка Ш. Бекторе учебно-методического пособия «Татарская грамматика и синтаксис» («Татарджа сарф, нахв») [1] и «Научной грамматики крымскотатарского языка» («Къырымтатар ильмий сарфы») [11] Бекира Чобан-заде, ученого-тюрколога, общественного деятеля и поэта.

В предисловии к своей книге Ш. Бекторе акцентирует внимание на том, что его целью является создание грамматики, отражающей специфические особенности крымскотатарского языка: «У татар, – пишет он, есть свой особенный язык, в котором действуют свои правила, свои законы и есть своя литература. Поэтому мы решили создать этот труд, согласно законам и правилам данного языка» [1].

Анализ языка и терминологии данной грамматики показывает, что это учебное пособие отличается от ранее изданных как структурой и характером изложения материала, объемом и уровнем грамматических классификаций, так и нетипичной для грамматик того периода терминологией.

Объем работы составляет 110 страниц. На титульном листе имеются необходимые выходные данные: название книги, дата и место издания. Не указан адресат данного учебного пособия, однако по содержащимся в нем методическим разработкам уроков по крымскотатарскому языку можно предположить, что данный труд предназначен для учащихся педагогических училищ. Написан учебник языком, близким к современному крымскотатарскому языку.

Анализ лингвистических терминов, употребленных в работе, отражает отношение Ш. Бекторе к проблеме формирования научной терминологии в крымскотатарском языке. Употребляемые в традиционных крымскотатарских грамматиках заимствованные арабские термины, по его мнению, чужды и непонятны народу, а значит, затрудняют процесс обучения и изучения языка на разных его уровнях. Ученый был сторонником пуризма, т.е. полной очистки крымскотатарского научного языка от инородной лексики. Естественно, отказ от арабизмов, требовал их замены другими терминами. Основой для терминотворчества автор выбирает крымскотатарский язык, преимущественно его степной диалект. Ш. Бекторе создает ряд терминов, используя словообразовательный потенциал родного языка: *сес илими* 'фонетика', *сагълам сес* 'гласный звук', *танав сеси* (*кенъиз*) 'носовой звук', *пайнозиллик* 'единственное число', *булуш* 'падеж', *сёзлер къорантасы* 'однокоренные слова', *отъкен заман* 'прошедшее время (глагола)' *буйрукъ* 'повелительное наклонение (глагола)', *боладжакълар* 'будущее время глагола' и др.

Автор вводит и большое количество гибридных терминов (общетюркское слово + арабизм). Например, взяв за основу арабский термин *сыфат* 'имя прилагательное', он создает сразу несколько терминов, определяющих категории и формы имени прилагательного: *чагъышдырув сыфаты* 'сравнительная степень прилагательного', *азайтув сыфаты* 'уменьшительная форма имени прилагательного', *артдырув сыфаты* 'аналитическая, усилительная форма имени прилагательного' и др.

При образовании терминов Ш. Бекторе активно использует продуктивный крымскотатарский словообразовательный аффикс *-даш / -деш*, например, *манадаш* (*сёз*) 'синоним' ← *мана+даш*, *сыфатдаш* 'причастие' ← *сыфат+даш* и пр.

Создавая термины на базе крымскотатарского языка, ученый, тем не менее, осторожно относится к процессу обновления терминологической системы, поэтому не все термины арабского происхождения заменяет тюркскими словами. В работе активно использованы такие арабские заимствования, как *исим* 'имя существительное', *фишль* 'глагол', *харф* 'буква' и др. В отдельных случаях рядом с тюркским термином в скобках указывается арабский вариант. Например, тюркские названия падежей сопровождаются арабскими эквивалентами: *адлавджы булуш* (*меджаред*) 'именительный падеж', *орунавджы булуш* (*меф'улон фик*) 'местный падеж' и др.

Несмотря на то, что в тюркские языки стала активно проникать интернациональная лексика и были сторонники пополнения национальной терминологии за счет международных слов (их называли «европеизаторами»), в своей работе Ш. Бекторе не использует термины-интернационализмы. В пособии встречается лишь один термин *фонетика*, функционирующий параллельно с общетюркским термином *сеслер илими* 'наука о звуках'.

Следует отметить, что учебник автора с его нетрадиционной терминологией вызвал критику современников. Многие термины, созданные ученым, не закрепились в крымскотатарских грамматиках более позднего времени, хотя следует отметить их структурно-семантическую мотивированность и достаточную компактность. Основным недостатком этих терминологических единиц, на наш взгляд, является их диалектная окрашенность.

«Къырымтатар ильмий сарфы» («Научная грамматика крымскотатарского языка») Б. Чобан-заде вышла в свет в 1925 г. арабским письмом на османском (турецком) языке [11]. Причины выбора языка, графики, а также употребленной терминологии автор объясняет так: «Что касается того, что наш труд написан на османском (турецком) языке, то это было вызвано желанием не включаться в нескончаемые до сего дня споры о (крымскотатарских) диалектах, избежать употребления непонятных, выдуманных терминов...» [13, с. 20-21].

Ученый, критикуя изданные после 1905 года тюрко-татарские книги по языку, отмечал два основных недостатка: 1) несоответствие принципу научности; 2) подчинение тюрко-татарского грамматического материала схемам и структурам, характерным русскому и французскому или арабскому и персидскому языкам [12, с. 30].

Создавая свой труд Б. Чобан-заде стремился описать грамматические категории, свойственные именно крымскотатарскому языку. В соответствии с этим изменился и характер лингвистической терминологии, употребляемой автором. Анализ этих терминологических единиц показывает стремление ученого заменить арабские заимствования терминами, созданными на основе исконной или общетюркской лексики.

В 30 – 40-е гг. после перехода на латиницу, а затем на кириллическое письмо стали активно разрабатываться учебники и учебные пособия нового образца. Важную роль в оптимизации крымскотатарской лингвистической терминосистемы сыграла научно-исследовательская деятельность таких крымскотатарских деятелей, как Э.А. Куртмоллаев, А. Ислямов, У. Куркчи Р.М. Муллина, Э. Дерменджи и др.

По имеющимся в Республиканской крымскотатарской библиотеке им. И. Гаспринского сведениям, в период с 20-х по 40-е годы было издано около 90 учебников и учебных пособий по крымскотатарскому языку арабской (последний был издан в 1928 году), латинской и кириллической графикой. Это научное наследие заслуживает самого тщательного изучения, так как дает богатый материал для решения актуальных проблем современной крымскотатарской научной терминологии.

Этот период характеризуется мощным притоком новых лингвистических терминов. Во вновь созданных учебниках и пособиях по крымскотатарскому языку арабско-персидские термины (кроме укоренившихся в языке) были заменены словами общетюркского происхождения, заимствованиями из русского и посредством русского языка интернациональными словами, например: *cait*, *caite* (араб.) – *созукъ сес* 'гласный звук', *сарф* (араб.) – *грамматика*, *нахв* (араб.) – *синтаксис* и др. Особенно активно использовались международные термины *фонетика*, *морфология*, *аффикс*, *грамматика*, *синтаксис* и др.

В этот же период в крымскотатарский язык без учета его специфики были внедрены характерные для европейских языков словообразовательные аффиксы *-изм*, *-ист*, *-ация* и суффиксоид *-логия*, например: *сингармонизм*, *фразеологизм*; *артикуляция*, *ассимиляция*, *классификация*; *лексикология*, *семасиология* и др.

Несмотря на эту тенденцию, теоретическая часть новых грамматик отражала грамматические категории, характерные для крымскотатарского языка. Названия грамматических категорий стали передаваться исконными терминами или терминами смешанного типа, да и сами категории, в отличие от прежних арабографических грамматик, соответствовали категориям крымскотатарского языка. Крымскотатарские деятели стали активно использовать специальную лексику исконного происхождения.

Анализ системы лингвистических терминов в учебниках для начальной и основной школ, созданных Э.А. Куртмоллаевым и А. Ислямовым [3; 4; 5; 7; 8; 9; 10] подтверждает эту мысль.

Среди крымскотатарских ученых этого периода особое место занимает известный исследователь крымскотатарского языка Усеин Куркчи. Следует отметить большую заслугу У. Куркчи и в области разработки терминологической системы крымскотатарского языка, ее систематизации и упорядочению.

В работе «Tatar tili grammatikasınıñ esasları» («Основы грамматики крымскотатарского языка») [6] исследователь проанализировал особенности крымскотатарского языка, его морфологии, словообразования, заимствованных основ и аффиксов, сложных и сокращенных слов и т. д. Особое внимание У. Куркчи уделял вопросам терминологии. При создании и употреблении терминов, считал он, в первую очередь следует сохранять соответствие названия содержанию выражаемого им понятия. Критикуя использование трудных арабских терминов в грамматиках того периода, лингвист высказывал мнение, что при составлении учебников крымскотатарского языка необходимо учитывать его богатые возможности в процессе образования терминов [6, с. 2].

В 30 – 40-е годы появилась серия терминологических словарей по различным дисциплинам – математике, физике, химии и др. Среди них значится «Тиль ве тиль бильгиси терминлери лугъаты» («Словарь терминов по языкознанию») [2]. Этот лексикографический труд, на наш взгляд, заслуживает особого внимания, так в нем впервые были собраны лингвистические термины, употреблявшиеся в крымскотатарских грамматиках довоенного времени. Словарь является двуязычным переводным словарем. Он содержит около 1,5 тысяч терминологических единиц. Термины, собранные в указанном словаре, а также термины, представленные в учебниках и пособиях по языку, изданных в 30 – 40 годах (Э.А. Къуртмоллаев, 1938, 1939, 1940; А. Ислямов, 1938 и др.), за небольшими изменениями (например: *падеж* в данных изданиях – *ал*, в современном крымскотатарском языке – *келши*, *однокоренное слово* – *сёз къорантасы*, современное – *тамырдаш сёз* и др.) легли в основу сегодняшней крымскотатарской терминологии.

Таким образом, можно говорить о том, что к 40 годам XX в. крымскотатарский научный язык полностью отошел от прежних лингвистических традиций и стал ориентироваться на европейские и русские языковедческие теории.

Формирование и развитие лингвистической терминологии в крымскотатарском языке можно продемонстрировать на примере таблицы 1:

**КРЫМСКОТАТАРСКИЕ ГРАММАТИКИ 20 – 40 ГГ. XX ВЕКА КАК ИСТОЧНИК ФОРМИРОВАНИЯ
СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ**

Таблица 1. Сопоставительная таблица лингвистических терминов в грамматиках конца XIX – начала XXI в.

В арабографической грамматике «Сарф-и тюркий»	В арабографической грамматике Ш. Бекторе «Татарджа сарф, нахв»	В учебниках и учебных пособиях 30 – 40 гг XX века	В современных крымскотатарских грамматиках
джем (араб.) 'множественное число	коплик (тюрк.)	чокълукъ (тюрк.)	чокълукъ (тюрк.)
муджерред (араб.) 'именительный падеж'	адлавджи булуш (тюрк. +тюрк)	баш ал (тюрк.+араб.)	баш келиши (тюрк.+тюрк)
меф'улюн бих (араб.) 'винительный падеж'	тамамлавджи булуш (араб.+ тюрк.)	тюшном алы (тюрк.+араб.)	тюшном келиши (тюрк.+ тюрк.)

Подводя итоги проведенного исследования, можно сделать следующие выводы:

Крымскотатарская лингвистическая терминология, как и терминосистемы других отраслей знания, прошла сложный путь развития, на который оказали влияние как объективные социально-политические, так и субъективные факторы (труды известных языковедов). Без осмысления этой динамики в свете современных представлений о терминотворчестве немислима продуктивная работа по совершенствованию научной, в том числе лингвистической, терминологии крымскотатарского языка.

Основные периоды формирования крымскотатарской лингвистической терминологии соотносятся с этапами истории крымскотатарского народа, а также с периодами становления лингвистической терминологии в других тюркских языках.

Для крымскотатарского языкознания весьма важно изучение лингвистических терминов, функционирующих в грамматиках 20 – 40 гг. XX века. Во-первых, они свидетельствуют об одном из этапов развития крымскотатарской лингвистической мысли, во-вторых, терминологический аппарат этих источников может быть полезен в процессе формирования современной крымскотатарской языковедческой терминологии.

Источники и литература:

1. Бекторе Ш. Татарджа сарф, нахв / Ш. Бекторе – Тотайкой : Татар окъув ишлери, ильмий хейети тарафындан тасдыкъ булды, 1923. – 110 с.
2. Борковский В.И. Тиль ве тиль бильгиси терминлери лугъаты / В.И. Борковский, А. Ислямов – Симферополь : Крымгосиздат, 1941. – 58 с.
3. Ислямов А. Грамматика. Ч. 2. Синтаксис. Учебник для 6-7 классов средней школы / А. Ислямов – Симферополь : Къырым АССР Девлет нешрияты, 1937. – 99 с. (лат. граф.)
4. Ислямов А. Грамматика: 2-нджи къысым. Синтаксис: там олмагъан орта мектеплернинъ 6-7 сыныфлары ичюн дерслик. 2-нджи бас./ А. Ислямов - Симферополь : Къырым АССР Девлет нешрияты, 1938. – 114 с.
5. Ислямов А. Татар тилининъ грамматикасы: 2-нджи къысым. Синтаксис: там олмагъан орта мектеплернинъ 6-7 сыныфлары ичюн дерслик / А. Ислямов – Симферополь : Къырым АССР Девлет нешрияты, 1940. – 120 с.
6. Куркчи У. Татар тили грамматикасынынъ эсаслары / У. Куркчи Симферополь, 1934. – 22 с.
7. Куртмоллаев Э. С. Татар тили дерслиги. Грамматика ве орфография. Башлангъыч мектеплернинъ 3-джи ве 4-нджи сыныфлары ичюн. 2-джи къысым / Э. С. Куртмоллаев – Симферополь : Къырым АССР Девлет нешрияты, 1938. – 136 с.
8. Куртмоллаев Э. С. Татар тили дерслиги. Грамматика ве орфография. Башлангъыч мектеплернинъ 4-нджи сыныфлары ичюн / Э. С. Куртмоллаев. – Симферополь : Къырым АССР Девлет нешрияты, 1940. – 115 с.
9. Куртмоллаев Э. С. Татар тилининъ грамматикасы. I къысым. Фонетика ве морфология / Э. С. Куртмоллаев. – Симферополь : Къырым АССР Девлет нешрияты, 1940. – 212 с.
10. Куртмоллаев Э. С., Дерменджи Э. Башлангъыч мектеп ичюн татар тили дерслиги: грамматика ве орфография: 1-нджи къысым / Э. С. Куртмоллаев. – Симферополь : Къырым АССР Девлет нешрияты, 1938. – 65 с.
11. Чобан-заде Бекир Къырымтатар ильмий сарфы / Бекир Чобан-заде. – Акъмесджит : Къырымдевнешир, 1925. – 188 с. (араб. граф.)
12. Чобан-заде Бекир Къырымтатар ильмий сарфы / Бекир Чобан-заде // Составители А.М. Эмирова, Н.С. Сейтягъев, под общей ред. А.М. Эмировой. – Симферополь : Доля, 2003. – 240 с.
13. Эмирова А. М. Лингвистическая концепция Бекира Чобан-заде / А. М. Эмирова // Чобан-заде Б. Къырымтатар ильмий сарфы / Составители А.М. Эмирова, Н.С. Сейтягъев, под общей ред. А.М. Эмировой. – Симферополь : Доля, 2003. – 240 с.
14. Эмирова А. М. Актуальные проблемы крымскотатарской филологии / А.М. Эмирова // Східний світ. – 2002. – № 1 – С. 75-79.